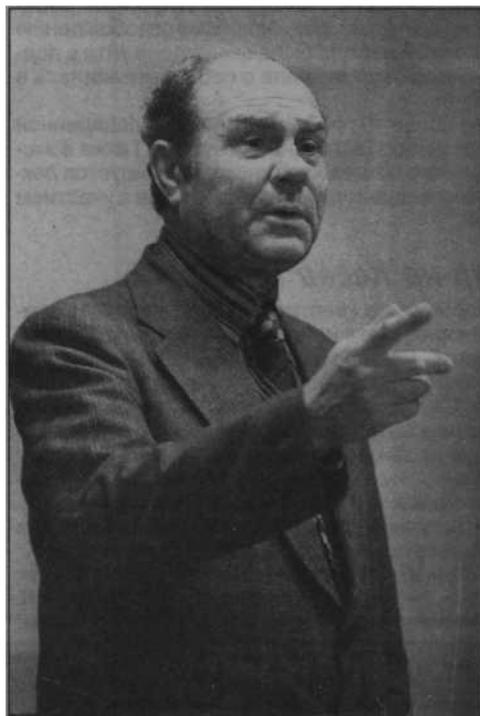

ДЯДЯ ВАНЯ

Исполнилось 80 лет со дня рождения Почетного гражданина Тулы писателя Ивана Федоровича Панькина

Так уж распорядилась судьба: восьмидесятилетие Ивана Панькина совпало с кончиной писателя Виктора Астафьева. Они дружили с тех давних времен, когда еще учились на Высших литературных курсах. И хотя встречались редко, за творчеством друг друга следили постоянно.

ров (в присутствии представителя обкома партии!) заявить: "У нас большинство писателей мало пишет, зато много выступает с рассказами о будущих книгах".

Он презирал тех, кто, едва вступив в Союз писателей, начинал зарабатывать на платных выступлениях, забрасывал творческую работу -

Свое членство в союзе никогда не выпячивал. Как-то сидели у него на кухне с поэтом Евгением Вдовенко, обсуждали весьма спорную статью в газете, подписанную одним из членов Союза писателей. Спросили мнение Панькина об авторе. Он улыбнулся: "Вы можете себе представить подпись: "Лев Толстой, член Союза писателей"? Писатель только тогда писатель, когда достаточно одного имени".

Анализируя жизненный и творческий путь И. Панькина, критик В. Коркин писал в журнале "Детская литература": "Сирота, юнга, солдат, рабочий и писатель. Что это - карьера, восхождение по ступеням? Нет. Панькин не достигал писательского звания, не искал в нем выгоды, стал жить труднее, многодумнее. Тут не до тайного самодовольства, когда есть на свете хоть один несчастный, обиженный, страдающий. Ему ли забыть это?"

Вот почему книги Ивана Панькина о мужестве, о доброте, о гордости - он знает, что помогает человеку не согнуться. Его герои - трудовой люд, умельцы. Будь то на море, в

кузне, в цирке. Здесь не место бездельнику. Либо он жалок и презретен, в какие бы одежды не был наряжен. Ему приговор - усмешка рабочего человека, острое словцо. И нет пышного одеяния, кичливой осанки - нет ничего. Нет человека. Зато мастер Тычка, брат знаменитого Левши, не склонит головы и перед царем. Он - народ. Не кичливость, а достоинство мастера не позволит ему этого. Даже под страхом казни".

Можно сказать, что мастер Тычка, созданный Панькиным, - это он сам. Хотя Иван Федорович категорически отрицал, что вложил в героя некоторые черты своего характера. "Скорее я учусь у него, чем он у меня", - утверждал писатель.

Панькина не любили. "Верхи" - за независимость характера и пристрастие к рюмочке. Товарищи по литературному цеху - за "везучесть". Пьет, а книжки пишет, да такие, что на полках магазинов не залеживаются. Его легенды о тульском мастере Тычке читали по Центральному радио. Артисты эстрады включали их в свой репертуар. Более того! Легенды были переведены на пять европейских языков, включены в школьные программы! Какая уж тут любовь к ближнему... Даже некоторые из тех, кому Панькин помогал "встать на крыло", отреклись. Наверное, Ивану Федоровичу было тяжело. Наверняка тяжело и обидно. За неделю до смерти он опять вспом-

нил о предательстве, о ненависти, которые его окружали. В то же время тепло отзывался о В. Пахомове, В. Маслове, М. Казаковой, Н. Парыгиной, А. Логунове...

Панькин не умел выступать - был косноязычен. Но стоило ему прочитать что-нибудь из своих произведений - провожали автора громом аплодисментов. Секрет в том, что Иван Федорович упорно и много работал над текстами, доводя их до совершенства.

Даже при переиздании предыдущая книга подвергалась тщательной обработке, была испещрена многочисленными поправками.

О литературной кухне Панькин говорить не любил. Но однажды все же вырвалось: "Знаешь, как рождает китиха? Она уходит в глубину, насколько может, а потом резко устремляется вверх, выпрыгивает из воды. В это время появляется китенок. Он должен успеть глотнуть воздуха, прежде чем коснется поверхности. Тогда поплывет. Так и в литературе. Чем глубже копаешь, лучше отделяешь, тем больше вероятность, что твоя книга будет "плыть" по жизни многие годы..."

В справедливости этих слов я вскоре убедился. В районной библиотеке списывали "зачитанную" литературу. В кучке вконец истрепанных книг я угледел повесть Панькина "Начало одной жизни". Первое издание 1956 года! Выпросил ее у библиотекаршей и сообщил о находке Ивану Федоровичу. "Для меня это дороже всего, - признался Панькин. - Говоришь, зачитали до дыр? Давай меняться: я тебе свое новое издание, а ты мне эту старую книжку".

Отдать раритет я ему, увы, не успел...

Виктор Астафьев ставил Ивана Панькина в один ряд с известными сказителями Бажовым и Лесковым еще задолго до официального признания. А официальное признание, к сожалению, пришло слишком поздно, когда писатель был уже неизлечимо болен.

Ивану Федоровичу присвоили звание Почетного гражданина г. Тулы, заслуженного работника культуры РФ. Он стал лауреатом премии им. Николая Лескова и первым лауреатом премии им. Сергея Радонежского.

Впрочем, писал он не ради званий и наград. Для Ивана Федоровича важно было, чтобы его читали. Его и сейчас читают. И будут читать.

Константин ШЕСТАКОВ.

Что сблизило этих, в общем-то, очень непохожих писателей? Литература? Фронтовое прошлое? Взгляды на жизнь? Главное, пожалуй, все-таки не это. Выше всего они ставили честность - и перед собой, и перед другими, и в творчестве.

Сорок лет назад, когда Панькин приехал в Тулу, отношения его с другими литераторами не сложились. Он признавался: "Встречен был в Туле откровенно плохо. Может, из-за характера? Всегда говорил правду..."

Маститому, по местным тульским меркам, прозаику Иван Федорович мог брякнуть: "Дрянь написал". Или на собрании литерато -